

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

КЕН ЛЮ, НЭНСИ КРЕСС, ДЖЕЙМИ ФОРД,
ДЭВИД ВЕЛЛИНГТОН, ДЖЕЙК КЕРР,
УИЛЛ МАКИНТОШ, САРА ЛАНГАН
И ДРУГИЕ

ЦАРСТВОЕ ХАОСА

РЕДАКТОРЫ ДЖОН ДЖОЗЕФ АДАМС И ХЬЮ ХАУИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-132.9(73)
ББК 84(7Coe)я43
Ц19

Серия «Фантастика: классика и современность»

THE APOCALYPSE TRIPTYCH: THE END IS NOW

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения редакторов и литературных агентств Nelson Literary Agency, LLC, The Gernert Company и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Ц19 **Царствие Хаоса:** [сборник : перевод с английского-го] / ред. Джон Джозеф Адамс , Хью Хауи. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 448 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-097859-5

Созданный под редакцией Джона Джозефа Адамса и Хью Хауи — опытнейших составителей фантастических антологий, Триптих Апокалипсиса представляет собой серию из трех сборников апокалиптической фантастики.

«Хаос на пороге» фокусируется на событиях, предшествующих массовой катастрофе, когда лишь единицы предчувствовали грядущий коллапс. «Царствие хаоса» обрушивает на человечество мощные удары, практически не оставляющие выбора ни странам, ни отдельным людям. «Хаос: отступление?» изображает участь человечества после Апокалипсиса.

В этом сборнике вашему вниманию представлены 20 новых, ранее не публиковавшихся историй, вышедших из-под пера Тананарив Дью, Нэнси Кресс, Кена Лю, Дэвида Веллингтона, Джейми Форда и многих других мастеров современной фантастической прозы.

УДК 821.111-132.9(73)
ББК 84(7Coe)я43

ISBN 978-5-17-097859-5

© John Joseph Adams and Hugh Howey, 2014

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ДЖОН ДЖОЗЕФ АДАМС

Джон Джозеф Адамс — постоянный редактор серии «Best American Science Fiction & Fantasy», редактор многих антологий-бестселлеров. Шесть раз номинировался на премию «Хьюго» и пять раз — на премию World Fantasy Award; компанией Barnes & Noble назван «королем мира антологий». Джон также издатель цифровых журналов «Lightspeed» и «Nightmare», продюсер подкастов. Смотрите Twitter@johnjosephadams.

Введение

Так пришел конец вселенной,
Так пришел конец вселенной,
Так пришел конец вселенной, —
Да не с громом, а со всхлипом!

Т. С. Элиот (пер. Н. Берберовой)

Триптих задумывался как серия из трех антологий, каждая из которых раскрывала бы одну из граней апокалипсиса. Первый том, «Конец близок», содержал рассказы, действие которых происходит непосредственно перед апокалипсисом. Предлагаемый вашему вниманию том, «Конец наступает», включает рассказы, действие которых разворачивается во время апокалипсиса. Естественно, третий том, «Конец пришел», будет повествовать о жизни после апокалипсиса.

Однако нам хотелось создать не просто триптих антологий, мы рассчитывали собрать триптихи рассказов.

Поэтому, когда мы пригласили писателей принять участие в проекте, мы предложили им написать не по одному рассказу, а по рассказу для каждого тома, с целью объединить их, чтобы читатель получил серии мини-триптихов внутри большого триптиха. Поэтому некоторые из рассказов предлагаемого сборника — семнадцать из двадцати — продолжают истории, начатые в первом томе, а большинство будут продолжены в томе третьем.

Если вы прочли первый том, мы благодарим вас и рады предложить вашему вниманию второй. Благодаря вам первый том имел оглушительный успех, и мы были потрясены как его финансовой успешностью — первый том занял 11-е место в списке бестселлеров «Амазона», — как и тем приемом, который он получил у читателей и критиков.

Если вы не читали первый том, мы также рады вас приветствовать! Не волнуйтесь: чтобы получить удовольствие от рассказов второго тома, читать первый обязательно. И хотя некоторые рассказы второго тома сюжетно являются продолжением рассказов из первого тома, мы гарантируем, что авторы постарались сделать так, чтобы вы без труда вжились в новый мир.

Распространение вирусов приобретает характер пандемии. Пришельцы атакуют. Зомби восстают. Астероиды падают. Революцию снимают на телекамеры.

Это конец.

Это происходит здесь и сейчас.

Катаклизм.

Апокалипсис.

Крушение мира, каким мы его знали.

Армагеддон, конец света.

Цивилизации разрушаются.

Мир в огне.

Мы приглашаем вас полюбоваться пламенем!

ТАНАНАРИВ ДЬЮ

Тананарив Дью — победитель «American Book Award» и дважды финалист «Bram Stoker Award». Известны ее романы «My Soul to Keep», «The Between», «The Good House» и «Joplin's Ghost». Ее рассказы публиковались в «Magazine of Fantasy & Science Fiction», в таких антологиях, как «Voices from the Other Side», «Dark Dreams», «Dark Matter» и т. д. Часто работает в соавторстве с мужем, писателем-фантастом Стивеном Барнсом: киносценарии, рассказы и три детективных романа про Теннисона Хардвика, последний из которых (написанный в соавторстве с актером Блэром Андrevудом) — «Из Кейптауна с любовью».

Коллективный иммунитет

Человек на дороге ушел далеко вперед. Он двигался, он дышал. Рано бить тревогу.

Наима не сомневалась, что это мужчина. Очертания высокой мужественной фигуры на фоне ползущей в гору дороги, тень неопрятной бороды. Мужчина катил за собой небольшой чемодан, словно бизнесмен в деловой поездке. Она с первого взгляда прониклась к нему доверием, возможно, из-за того, что за плечами мужчины висела гитара. Наима всегда неровно дышала к музыкантам.

— Эй! — крикнула она, побуждаемая глухим отчаянием.

Он остановился, уперся ногами в землю. Кажется, обернулся, с расстояния в четверть или более мили не

разглядеть. Их одинокие фигуры с обеих сторон окружал золотой океан фермерских полей центральной Калифорнии, нераспаханных и незасеянных, ни деревца, ни кустика, лишь змеилась по холмам дорога.

Его поза поколебала уверенность Наимы. Она так давно не встречала других путников, что план, который последние девять месяцев сохранял ей жизнь, вылетел из головы: прятаться, наблюдать, выжидать.

К черту план.

Она помахала рукой, а то решит, что она мираж в знойном мареве.

— Эй! — заорала она и рванулась вслед за путником, но ноги подогнулись на крутом склоне. Замутило от зноя и подавляемого голода. Небо над головой потемнело, и она бросила жалкие потуги догнать незнакомца и уперлась ладонями в колени, чтобы утишить канонаду в груди. Вскоре туман рассеялся.

Путник упрямо шел вперед. Наима смотрела, как фигура уменьшается в размерах, пока ее не поглотил горизонт. Раньше она зарыдала бы от одиночества, но теперь решила идти за ним в темпе, к которому привыкло ее тело. Кажется, тот человек ее не боялся. Уже хорошо. Не торопился, просто устало брел по дороге, как и Наима. Главное — сохранять спокойствие, и тогда она обязательно его нагонит.

Наима не собиралась идти по Сорок шестому шоссе к Лост-хиллс, хотела только добраться до следующего дорожного знака — одного из приспособлений прежней жизни, исправно служивших до сих пор, и свернуть к городку в десяти милях к востоку, но вместо этого пошла вслед за мужчиной. Я ненадолго, сказала она себе. Не успею промочить ноги и проголодаться.

Наима шла за ним три дня.

Она не тратила энергию на поиск топлива или еды в остовах автомобилей, припаркованных по обочинам под странными углами, хотя у многих из них в замках торчали ключи зажигания. Слишком поздно, ничего ей

не обломится. Автомобили служили укрытием. Например, от дождя. Или темноты, когда пумы теряли страх, а их глаза поблескивали в свете фар. (Плохой котик, нехороший котик, приговаривала Наима).

Автомобили на Сорок шестом шоссе не были раскурочены, как в Бейкерсфилде, словно молчаливые свидетели беспорядков и грабежей. На какое-то время громить автомобили стало любимым национальным спортом. Ей самой пришлось угнать машину, чтобы выбраться из этого ада. С вывихнутой лодыжкой и толпой на хвосте она куда больше нуждалась в автомобиле, чем тот пьяница с угреватым лицом, который спал, прислонившись к колесу. На Сорок шестом шоссе нетронутые машины стояли у дороги, все как одна цвета погребальной пыли.

Сейчас Наиме не помешал бы ее красный велосипед фирмы «Швинн», но за день до того, как она заметила на дороге мужчину, ее угораздило налететь на камень — чертов булыжник оказался прямо под колесами. Ей повезло, что пострадал только локоть, но велосипед, похоже, накрылся. Бесплезная железяка. Она не позволяла себе раскисать, но, черт подери, до чего же обидно! К тому же путник, предмет ежедневных забот Наимы, не давал ей глазеть по сторонам, высматривая фермы и их благонамеренных обитателей. Слишком рискованно. Наима боялась его потерять, поэтому упрямо шла вперед, преследуя свонго призрака.

Она воображала, как они разговаривают. Расскажут о себе, научат друг друга тому малому, что знают. Они обязательно что-нибудь замутят вместе. Возможно, он признается, почему оказался на Сорок шестом шоссе, что за радиоволна или неотложное дело позвали его в путь. Последние три месяца Наима слышала в радиоприемнике только шипение. Какой смысл тащиться в такую даль, если не ради какой-то цели?

Каждое утро она просыпалась в укрытии: под стволом, в брошенном, но не ставшем чьей-то могилой ав-

томобиле, в расщелине под кабиной фуры, запертой неизвестно кем и припаркованной в десяти ярдах от дороги, словно кит, выброшенный на сушу, и гадала, как далеко ушел тот человек. Брел ли всю ночь, чтобы поутру до смерти испугать ее. Нашел ли машину, певшую ему любовную песнь, пока он оглаживал ее и поворачивал ключ в замке зажигания.

Тем не менее каждый день она находила признаки того, что он еще с ней. Путник шел далеко впереди, временами исчезая из виду. И всякий раз, когда он снова показывался на горизонте, у Наимы потели ладони.

Он оставлял за собой след из фантиков. В основном от шоколадных батончиков. «Сникерс», «Твикс», «Олмонд джой» (последние — ее любимые, от вида фантиков в животе у Наимы начинало урчать). Рацион Наимы был не менее однообразным, но куда более унылым — горсти обезьяньего корма, который она нашла в ветеринарной клинике на окраине Бейкерсфилда. Рюкзак доверху заполняли коричневые кругляши. Наима называла их мячиками, как в компьютерной игре Super Monkey Ball. Почти безвкусные, зато можно есть на ходу, и куда легче консервных банок.

На третий день, когда горизонт опустел и душа снова ушла в пятки, взгляд Наимы привлек вскрытый пакетик лакричных конфет «Твиззлерс» на дороге, шесть целых палочек. Кажется, свежих. На обертке ощущались следы его пальцев. Размякшие на солнце конфеты плавилась на языке. Ей стало так хорошо, что из глаз потекли слезы счастья. Рискуя отстать, Наима не трогалась с места, пока сладость затопляла сухой рот, обволакивала гортань. Она успела отвыкнуть от эмоций.

Наима тихо оплакивала тягучий оранжевый закат, диких лошадей в поле, предоставленных сами себе. Она гадала, не пытается ли путник заигрывать с ней, своего рода новый любовный ритуал среди выживших, пока не наткнулась на алую конфетку, которую он выплю-

нул. Так вот оно что: фанат «Ред вайнз», выходит, «Твизз-лерс» ему не по вкусу. Ничего, она переживет. Вместе им все нипочем.

К полудню того же дня она снова заметила его длинную тень, маячившую всего в полумиле. Немного ускорить шаг — и она догонит его, но от мысли, что придется бежать, ее чуть не вырвало. Желудок не одобрил конфетного пиршества.

И она продолжила идти.

Мимо большого деревянного щита — размером чуть поменьше рекламного. Поравнявшись с ним, Наима прочла ликующую надпись: «Ярмарка на обочине!!! С 1 по 30 июня! Всего в двух милях!»

Ниже были нарисованы свинки с синими ленточками, улыбающийся хот-дог и чертово колесо. Что за тупое название! Она поклялась, что, когда придет время давать новые имена, они с тем мужчиной на дороге не ударят в грязь лицом. Чем плоха Радужная ярмарка? Или обочина Радужной дороги? Названия под стать цветам на щите.

И только на расстоянии вытянутой руки она заметила три потрепанные листовки, пришпиленные справа: СПАСАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР.

На бумажках красовался знак Красного Креста.

Красного дерьма. Красной смерти. Красной утраты.

Наиме хотелось разрыдаться и расхохотаться в одно и то же время. Ноги подогнулись. Стало жарче на десяток градусов, солнце сжигало кожу на затылке.

— Должно быть, ты шутишь, — сказала она.

Человек на дороге ее не слышал.

Наима сложила ладони рупором.

— *Неужели ты еще веришь в вакцину?*

Болван.

Последнее слово она произнесла про себя. Не хотела грубить. Им нельзя ссориться.

Он не остановился, лишь сварливо, по-стариковски, отмахнулся. Связь установлена! Честность — лучшая

политика в мире, где правит трехсуточный грипп, и Наима расскажет ему все.

Лагеря — это просто большие чашки Петри. Проще всего подхватить заразу в лагере для эвакуированных! Было, было проще. Прости, что сообщаю плохие новости, но здесь больше нет спасательного центра!

Десять месяцев назад она и сама верила, что там ей помогут. Верила, что вместе они исцелятся. Тогда, на совместной пресс-конференции Всемирной организации здравоохранения и Центра контроля заболеваний, где лучшие умы толковали о вакцине, способной уберечь от распространения заразы, она впервые услышала термин: *коллективный иммунитет*.

На деле оказалось, что никакой вакцины нет и в помине, а словосочетание «коллективный иммунитет» — чистый оксюморон.

Выжили только те, кто обладал иммунитетом естественным. С июня только они, бродившие среди хаоса, избегая любых контактов из опасений нарваться на гнев озверевшей толпы, попадались Наиме на глаза. Она ушла из Бейкерсфилда, где здоровые чувствовали себя предателями человеческой расы. Она видела радость на лице умирающей старухи, топором раскроившей череп медсестре, которая протянула ей стакан воды. Никаких добрых дел. За три месяца мужчина на дороге был единственным живым человеком, которого она встретила.

Некогда оживленные местности опустели. Трехдневный грипп ставил точку во всех спорах. В городах правили птицы-падальщики, пришло их время.

— *Мертвые не помогут живым!* — крикнула Наима упрямой дороге.

Ее новый друг шел вперед. Ничего, через две мили ему придется сделать привал.

Смрад ярмарки уже висел в воздухе.

А что, если... нет, невозможно, но вдруг... Пульс остался ровным, но Наима с надеждой всмотрелась в аккуратную шеренгу автомобилей к западу от дороги. Им-

провизированная стоянка, размеченная кедровыми колышками с буквами и цифрами: от А-1 до М-20. Под слепящим солнцем стекло и хром сверкали, словно волшебные кареты. Много месяцев Наима не видела такого порядка.

А потом заметила пыль на стеклах.

Куда бы она ни пришла, нигде ей не рады. Даже на ярмарке.

Гриффы и вороны восседали на ярком — алые буквы на белом фоне — щите «Бесплатная парковка для гостей ярмарки!» над дорогой, уходившей вбок от шоссе. За щитом маячило мертвое колесо обозрения, отмечавшее начало ярмарки, маленькое и жалкое, словно хвост. Свинки на рекламном щите позволяли надеяться на что-нибудь грандиозное, но все оказалось обманом.

До ушей донесся скорбный гитарный перебор: гитарист не брэнчал, он просто перебирал струны. Незнакомая мелодия, но Наима знала ее название. Блюз трехдневного гриппа.

То, что она увидела через задние окна машин, заставило ее заулыбаться. Рюкзак в «короле» лежал на самом виду. В некоторых автомобилях ключи торчали в замках зажигания, в одной, кажется, остался газ. Это была рождественская распродажа автомобилей. Машины вдоль дороги владельцы оставили на полпути, забрав оттуда все, что смогли. Эти автомобили благополучно доехали до места назначения, хотя их владельцы бросили их, не завершив дел. Из-за лопнувших стекол вошло трупам. На заднем сиденье «форда эксплорер» белел собачий мех. Наима подумала о толстощеком малыше, обнявшем верного друга на прощание, прежде чем родители оттащили его прочь.

Машины вопили о своих историях.

В стекле отразилось почерневшее от солнца лицо в капюшоне, заострившийся подбородок. *Не мешало бы, девочка, тебя подкормить*, сказал бы Грэм. Наима заморгала и отвела глаза от незнакомки в стекле.

Слезы. Черт, только этого не хватало!

Наима вонзила ногти в ладони. До крови. Машины перестали вопить.

Гитарист мог предъявить свои права на сокровища, но тут хватит обоим. А если заартачится, у нее есть пистолет 38-го калибра, но лучше бы до этого не дошло. Наима застыдилась. Ей не хотелось причинять путнику боль. Не хотелось, чтобы он причинил боль ей. Хотелось, чтобы кто-то не спал, когда ты спишь, помогал добывать еду, согревал. Ничего в жизни ей не хотелось сильнее!

Музыка примиряла с кладбищем на ярмарочной парковке. Должно быть, гитарист знал толк в своем деле: немного печали, капелька сладости. Эту песню могла напевать ее бабушка, только забыла научить ее словам.

Господь всемогущий, только бы он не оказался таким же придурком, как остальные!

Гитарист снова куда-то улизнул, но Наима шла по развалинам ярмарки на звук.

Чертово колесо было не единственной ярмарочной рухлядью, которую следует переименовать, когда дойдут руки. Она насчитала меньше дюжины аттракционов, среди которых хилое колесо могло считаться царицей бала. Две детские карусели с фальшивыми пони, какие встретишь в большом торговом центре, русалки и лошадки (последние, кстати, неплохи), центрифуга, которую Наима не выносила. Был еще Дом с привидениями: пустые вагонетки застыли перед адскими воротами. Великан в черных обносках с перекошенной рожой охранял дверь. Даже сейчас Дом с привидениями пугал Наиму. Проходя мимо, она дотронулась до вагонетки.

Вороны взвились в воздух.

Ярмарка была устроена по принципу всех маленьких придорожных аттракционов: с одной стороны карусели, с другой — прилавки с едой. Стервятники клевали пустые ведра попкорна и обертки из-под хот-догов, но лишь немногие лоточники задраили свои будки

жалюзи. Внутри павильона «Сосиски Джо» высилась большая жаровня. Их разделяла только открытая дверь. Рискнуть? Кабинки, мусор, прилавки. Чего тут только не было! Сердце забилось чаще.

С машиной и припасами она как-нибудь протянет. Кажется, гитарист был с ней согласен — мелодия набрала темп и страсть. Музыка напомнила Наиме, что в ее новом автомобиле, ждавшем у входа на ярмарку, она будет не одна.

Теперь слова мало что значили, и, обнаружив его рядом с будкой, где когда-то торговали хворостом, Наима заговорила не сразу. Завернувшись в спальник, спиной к стене, мужчина лежал под вывеской, обещавшей разные вкусняшки. Она стояла на другой стороне дороги рядом с кольцами, которые набрасывали на штырь, и разглядывала незнакомца.

Первая неожиданность: он носил маску. Странно.

Из-за грязи и волос маска казалась приросшей к лицу. Светло-коричневая кожа, темная прядь жидких волос, худоба под стать ее. Выше на фут, что давало ему преимущество в драке. Рука скользнула в заветный карман рюкзака. Наима осторожно сжала оружие, но руку не вытащила.

— Гитару не трожь, а больше у меня ничего нет, — бросил он сердито. — Бери то, за чем пришла, и вали отсюда.

— Думаешь, я тащилась за тобой три дня, чтобы ограбить?

— А мне все равно.

Наима сдернула с головы капюшон. В Бейкерсфилде она побрила голову, чтобы отбить желание у случайного насильника. Волос на голове почти не осталось, но черты лица были очевидно женскими. Ей показалось, всего на миг, что его глаза блеснули.

— Я Наима, — сказала она.

Незнакомец перебирал гитарные струны.

— Держись от меня подальше.